

Революция Исаева

Петрушка

Революция Исаева

Петрушка

«Издательские решения»

Исаева Р.

Петрушка / Р. Исаева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-514005-0

Военный городок. Степная Украина. Недалёкое будущее, дошедшее до пика технологической сингулярности. Учитель оказывается со своим учеником в стенах подвала, как только Очаков начинают испепелять неизвестным оружием. Им повезло спастись, но предстоит ещё выжить. В реальном мире, где нет главного героя — есть только двое, смертных, как и остальные, погибшие жители городка. Или всего остального мира. Человек создал. Человек не смог контролировать. Человек выжил. Но останется ли он Человеком?

ISBN 978-5-00-514005-0

© Исаева Р.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
I	7
II	12
III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Петрушка

Революция Исаева

© Революция Исаева, 2020

ISBN 978-5-0051-4005-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог

2030 год. Четвёртая волна тринадцатого карантина при всемирной флавивирусной пандемии.

– Как Вы считаете, профессор Сурков, это будет иметь последствия? – спросил, как бы невзначай, молодой аспирант. В стеклах его новых очков мерцали многочисленные светодиоды только собранной Машины, возвышающейся от серого пола до обшитого металлом потолка.

Старый доктор технических наук покряхтел, а потом забрал со стола какие-то бумаги, и, пробежавшись по ним глазами, поднял томный взгляд на ученика.

– Я так и не понял, что потребовал от нас тот человек в военной форме, – продолжал студент. – Вы что-то одобрили, но я никак не пойму, что именно – даже теперь, когда вся работа, следуя из Ваших инструкций, выполнена. При том, что задание было проще многих тех, которые мы выполняли даже на лабораторных работах ещё на первых двух курсах, меня не покидает ощущение значимости миссии. Почему не скажете суть конечной цели?

– Знаешь, что бывало сотню лет назад с теми, кто совал свой нос в военные дела? – профессор позволил себе присесть на металлический, холодный табурет. – Сказали сделать – и что толку убеждать, что толку составлять неутешительные прогнозы? Вот возьми, да выйди отсюда с пустыми руками. Ты да я... Мы же иностранцы, не здешние, у нас права на гостайну меньше, чем у любого другого гражданина этой немногочисленной державы. Выйдешь за порог – тебя прихлопнут. Не убежишь.

Студент резко выдохнул.

– Я не соглашался.

– Я тоже, Сереженька, не соглашался. На *это*.

– И что же мы сделали?

– Продали будущее, и за это получили зарплату, ничего нового, как видишь... Деньги намного большие, чем там, в Киевских институтах по исследованию искусственного интеллекта... Только, скорее всего, эти виртуальные бумажки нам уже не понадобятся.

– Почему?

– Потом увидишь, – профессор горько усмехнулся и стал около пульта управления. – Задача выполнена – мы написали программу.

Дверь в тёмную комнату скрипнула. За ней никого не было, однако оттуда донесся звонкий голос. Слишком красивый, как для человека, и от того ужасающий.

– Попрошу удалиться, – приказала Машина.

I

Юра лежал, сложив ладони на мокрой груди и уставившись в потолок. Он проснулся, потому что сверху что-то капнуло. Непознанная, липкая жидкость, такая же тёмная, как и любая другая – вся она замочила бывшему преподавателю биологии светлую рабочую рубашку. Вода, масло, кровь? Должно быть, лишь грязь и вода – откуда в мёртвом мире браться последним двум? И в этой грязи, естественно, радиация. Да-да, она должна была остаться. Злая и беспощадная, убийственная, та, что уже убила целый мир.

Скорее всего.

Закрыв глаза. «Нет, тут темнее», – подумал он и открыл. И стал вспоминать, что же ему ещё снилось. Он делал это каждый день, с этого начинал своё утро. Если, конечно, это было утро. Может быть, биолог спал по три часа, и, высыпаясь, пробуждался от тревожных снов, а может, дремал целыми сутками, потому что уже успел привыкнуть к назойливой голодной боли.

Во времени сориентировать его было нечем. Педагог жил в старом призраке коммунистического строя, которого немногочисленные обыватели обозвали «железобетонным гробом» – шутя, иронизируя, и понимая, что больше отсюда не выбраться, какие бы светлые надежды никто среди этих же обывателей не возлагал.

Они были простыми прохожими Бугской улицы в Очакове, одними из тех немногих, кому повезло вовремя открыть чей-то уличный погреб и спрятаться от бомбардировки. Про атаку никто не предупредил, всё случилось спонтанно, в один из мрачных январских дней – тогда, когда вместо металлических бомб люди ожидали выход очередной модели смартфона. Беда вознесла свою руку над приморским городом, окутав тот неизвестностью, которая осталась за люком хранилища.

Преподаватель привстал с холодного пола. Про здоровье можно было уже давно забыть, ещё тогда, когда они, с ещё двумя очаковцами, оказались в непредназначенном для жизни погребе. Подстелив под голову куртку, как-то выживали, ожидая вообще непонятно чего. Рано или поздно, но выйти надо – не помирать ведь ему, молодому и некогда полному жизненных сил мужчине, прямо здесь, прямо землей.

Наверное, выглядели они и без смерти как мёртвые; вот вылезут из земли, и будут, как черви, погибать от палящего очаковского солнца, подставляя серые лица под тёплые лучи...

Но это потом. Это тогда, когда биолог наберется отчаянности и глупости открыть ржавый, выкрашенный только с наружной стороны люк, и выберется из четырёх железобетонных стен, и вдохнёт тяжёлого воздуха, что застыл под такими же тяжёлыми облаками.

А сейчас им ещё надо немного помёрзнуть в чёрном подвале.

Придя в себя, Юра снял рубашку, оставив на себе более-менее сухую майку. Биолог направился повесить первую на стеллажи с консервами, которые были их единственными, пусть и, по сути своей, мародёрскими припасами. Он расправил пальто, перед этим служившее импровизацией матраса. Отряхнул его от прилипшей из-за влаги пыли.

Учитель недовольно шмыгнул носом.

– Доброе утро, Юрий Григорьевич, – услышал он голос ученика.

– И тебе того же, Петя, – ответил биолог. – Ты спал?

– Нет. – Пятиклассник печально покачал головой. – Несколько часов... – Он вспомнил, что, скорее всего, прошло меньше времени – или быть может, больше, поэтому, чтобы с него не потребовали определённых временных рамок, решил не упоминать их в своей речи вовсе. – Тётушке Сене стало нехорошо, пока Вы спали. Я думаю, у неё жар.

– Что же ты меня раньше не разбудил! – Воскликнул Юра и тут же подошёл к пожилой женщине, кутавшейся в дорожную, но уже испорченную сыростью подвала шубу. Увидев биолога, она оживилась.

– Юрочка!

– Как Вы себя чувствуете? – Быстро спросил учитель, но мог, собственно, и не спрашивать.

Есения Павловна, попытавшись ответить, закашлялась. И этот кашель биологу совсем не понравился. Жестом он попросил старушку подать ему платок, в который она выбивала свою хворь – и не только свою затаившуюся смерть. Юра аккуратно принял кусок ткани, отблагодарив Бога за то, что при почти полном отсутствии света он смог разглядеть на белом платке то, что ему, говоря честно, хотелось видеть меньше всего. Он не знал, сколько спал, и потому не понимал, почему хворь столь внезапно и столь ярко стала себя проявлять только сейчас.

– Есения Павловна, у Вас... – Юра запнулся, задумавшись, к чему может привести установление диагноза. Совершенно и безоговорочно летального диагноза, в их случае. Туберкулёз лечить нечем, да и условия здесь такие, что вскоре биолог понял, почему болезнь проснулась в старушке так быстро. Она – первая, дальше будут они с Петей. Чёртова сырость... Выберет, у кого иммунитет немножко слабее, да задушит однажды, и разорвёт в клочья лёгкие. Самое печальное – умрут ведь, скорее всего, не от того, что заразились, а от того, что просто ослабли и дали бактерии волю распоряжаться жизнью заболевшего.

Вот ведь чудно – человек, царь природы, а его убивает маленький микроб...

– Что ты потускнел, Юрочка? – Добродушная тётушка Сеня вывела биолога из дыма мыслей. И снова закашлялась.

– Думаю, это просто простуда, – соврал он, и, как ни в чём не бывало, вернул платок.

«А покаяться уже может и негде», – подумал он, но что-либо менять в своей речи уже не стал. Он не был врачом, не мог сказать пациенту правду в лицо. Тем более, такому – старушка, конечно, не божий одуванчик: за её спиной наверняка бурная молодость, святая вера в гороскопы и килограммы косметики. Не выглядела она молодой, но создавалось впечатление, что и старость её нарисована, искусственна. В темноте этого не видно – тут на свет выходит только характер.

Есения Павловна теперь заразна, и скоро, вероятно, умрет. Тогда, если они с Петей и не заболеют туберкулезом, то задохнутся от трупного запаха... Так мерзко, так противно, так ненавистно было думать об этом биологу – думать о естественном. Если бы он только мог, он бы спас её, но спасти сейчас старушку не мог никто.

Надо было выбираться отсюда. Прочь, наружу.

Пожилая дама вновь закашлялась, прервав тишину. Как слепой крот, Юра научился чувствовать любое колебание воздуха и земли. Чудом улавливал звуки, представляя, как завывает сверху по разрушенным домам холодный январский, или, может, уже февральский ветер, проходящий в Очаков ежегодно с северо-запада и несущий на себе серые дождевые тучи. Поэтому сейчас услышал, как вздрогнул его ученик.

Учитель посмотрел туда, где смутно белело лицо мальчишки. «Бедный Петя, – подумалось ему. – Таким у меня шалопаем был. Таким смешным, глупым. А теперь? – Он тихо вздохнул. – Ну ничего, мы ещё с тобой мир увидим, ещё внуков своих воспитывать будешь, ещё расскажешь им, как твой двадцать девятый карантин закончился, и как ты школу на атомной войне прогуливал. Но это потом. Это когда мы с тобой выберемся, да вдохнём радиоактивной пыли, полные лёгкие вдохнём, мой дорогой Петя...»

Думал, но ничего не говорил, а сам понимал, как же это всё глупо, как это бессмысленно – надеяться.

Когда Есения Павловна снова закашляла, Юра подошёл к стеллажам, расположившимся во второй комнате подвала. Там громче и чаще шуршали мыши, потому спали они в первой,

из которой вела лестница наружу и меньше ощущалась подземельная сырость. Повесив на старинные деревянные полки пальто и рубашку, и слегка дрожа от холода, он подозвал школьника.

– Да, Юрий Григорьевич? – Петя неожиданно быстро приблизился к нему.

– Ты только никому-никому не говори, ладно? Это самая настоящая военная тайна.

Прямо как у Гайдара.

– Угу, хорошо.

– Теперь слушай очень-очень внимательно. – Биолог перешёл на шёпот. – Ты не подходи к тётушке Сене. Так будет лучше. Понял?

– А чего?

– Если она тебя заразит, то долго ты не протянешь. Будь осторожен. Мы теперь будем ночевать в этой комнате.

– Но тут мыши! – Воскликнул пятиклассник.

– Ты что, трус? – Учитель моментально перестроился на шутливый тон и улыбнулся. – Одни девчонки боятся мышей! Но не волнуйся, это частичное переселение ненадолго. Скоро выберемся. – Он похлопал ученика по плечу, и только сейчас понял, что школьник очень легко одет. – Петька, это ты что, в одном пиджаке?

Пятиклассник немного помялся, а потом ответил:

– А это у меня, Юрий Григорьевич, научное исследование по вашему естествознанию, – в его голосе послышались нотки гордости. – Я своей курткой грею землю, вот. Вчера я закопал фасолину, которую достал из банки, ну из той, что Вы открыли на ужин... Или обед. Закопал её, значит, в маленькую лунку возле места, где Вы заснули. А сверху положил куртку. Вы ведь сами мне говорили, что тепло – одна из важных составляющих жизни.

Учитель позволил себе улыбнуться.

– Ох ты, Петрушка, и чудо! – Воскликнул Юра. – Ну даёшь... Иди, куртку отряхивай. Ты ведь тоже форма жизни, и ты мне точно нужнее той закопанной фасоли.

Стоило Пете немного отойти, как биолог вновь погружался в свои мысли – это было единственным занятием, которое ему позволяли сложившиеся обстоятельства. А человек, хочет то, или нет, всё равно будет искать себе работу. Пусть и такую. В основном Юра безостановочно, почти ассоциативно вспоминал своё прошлое, стараясь при этом не сойти с ума. Что может быть страшнее, чем сидеть, и не знать, что там, с твоими близкими? Кажется, он уже задавал себе сегодня этот вопрос. Или это было вчера?..

Он снял со стеллажа пальто. Может, оно было грязным, но в нём получалось задерживать тепло, а последнего, особенно по ночам, оставалось мало. Ему вспомнилось, как однажды они с Верой поехали в Москву, тоже зимой. Пошёл дождь со снегом, и если Юра был в пуховике, то Вера в своём никудышном пальто страшно замерзала. Когда они добрались до автобусной остановки, очаковец благородно отдал девушке свой пуховик. И было ему по-настоящему тепло, потому что делал он это с такой же тёплой любовью. Как бы Вера не просила его одеться обратно, биолог только мотал головой и говаривал, что моржевал в Чёрном море, и теперь отважному южанину даже московские морозы ни по чём. Может, киевлянка и не верила этому, но, постепенно переставая стучать зубами, только благодарно смотрела на него. И этот взгляд отчего-то так хорошо врезался в память Юре, что теперь, как в бреду, он видел эти глаза среди подвальной черноты; видел её, светлый осколок прошлого, погребенного под изотопами урана и железобетонными обломками советских построек.

Юра прошёлся в противоположный угол комнаты, туда, где стояла вода. Вернее, не стояла, а скапывала в банку с неправильно сделанной или просто поломанной ржавой вытяжки. «Дождь, – подумал он. – Роковой дождь, несущий ещё более скорую смерть в нашу весьма состоятельную безысходность».

Преподаватель вдруг вздрогнул. Он не заметил, как к нему кто-то подошёл, и только сейчас услышал тихое дыхание немного ниже плеча.

– А, это ты, Петрушка, – добродушно отозвался Юра.

Ему начинало казаться, что в этом железобетонном гробу жизнь пошла циклом. И от этого учитель всё время переживал, время от времени поглядывая в потускневшие глаза школьника. Ведь нежная детская психика может не выдержать таких жестоких условий жизни, если это ещё, конечно, можно было назвать жизнью.

– Да-да, это я, Юрий Григорьевич, – мальчик робко протянул что-то учителю, и это нечто загадочно заблестело во тьме подвала, бликами вырисовав собственные очертания небольшой коробочки.

– Что это? – Биолог с интересом приблизил предмет к глазам, однако ничего большего, чем блеклый силуэт, так и не увидел.

– Я забыл Вам рассказать... Это мой самодельный приёмник. Он очень хорошо держит заряд, я аккумулятор дорогой покупал. Возможно, Вы придумаете, что с этим делать.

– Ну ты, Петька, пионером будешь! – восторженно воскликнул Юра.

Да, он знал про любознательность школьника: это сказывалось не только на его производительности в обучении, но и в отношении к окружающему миру. Снежаков Петя был не по годам сообразительным, и, пока темнота скрывала округлое веснушчатое лицо, преподаватель общался с учеником почти на равных.

– Давай я поставлю его повыше, будем слушать.

– А кого слушать, Юрий Григорьевич? Все радисты попрятались ведь, вот как мы.

– Не важно! За спрос не бьют в нос, авось кого услышим. – Заиграл какой-то слабый огонёк надежды в сердце очкаовца. – А на каких частотах оно ловит, Петь?

– Не помню я, – школьник взволнованно вздохнул. – Они все у моего Ростислава Александровича на столе остались...

– Ладно, ничего.

Биолог взобрался на первую ступеньку лестницы, которая шла к люку, и поставил в надёжную щель между балок приёмник. Усевшись поудобнее, учитель надел на себя присоединённые к устройству наушники, и, вращая колёсико частот, принялся искать какой-либо сигнал.

Сперва он не слышал ничего, кроме шумов. Однако вскоре эти шумы обрели отчётливое «ти-та-та-ти...» и Юра сразу крикнул вниз:

– Петя, дешифруй! Та-та-та... – повторяя сигналы передатчика, и ощущая себя немного нелепо, биолог ожидал, когда это кончится, и молился, чтобы Петя запомнил всё, что смог перевести. Но сигналы не прекращались.

Так они просидели около десяти минут, ровно до тех пор, пока обдавший кипятком все ушные мембраны учителя сигнал не прозвенел в грубоватых, старых наушниках. Биолог едва не свалился с лестницы от такого потрясения. Оправившись за четверть минуты, кроме каких-то слабых шумов, неприятно перемешавшихся со звоном в ушах, Юра уже ничего не улавливал. Наушники снимать он пока не хотел, но, когда прошло ещё пять минут, и уже исчезли даже шумы, педагог понял, что продолжать дальше бессмысленно. Торжество с его лица как рукой сняло, опять радость сменила мрачность и предвкушение чего-то совсем нехорошего. Юра спустился вниз, к ученику.

– Скажи дешифровку.

– Я всё прямо не запомнил точь-в-точь... – послышался какой-то очень печальный голос.

– А по сути?

– Юрий Григорьевич, мне страшно, – тихо, подавленно произнёс Петя.

– Ну что там было?

– Это был русский язык, да... Передали какие-то очень большие цифры.

– И всё?

– Нет, не всё. Знаете, это очень похоже на какой-то страшный фантастический фильм. – Пятиклассник замолчал, а потом всё так же подавленно перешёл на шепот. – Кто-то передавал данные о дроидах и о каких-то... Погибших и раненых. Что это, Юрий Григорьевич?

Учитель прижал ученика к себе, словно последнее сокровище, которое у него осталось. Осторожно посмотрел в сторону Есении Павловны, потом поднял голову, слушая, как бьет об герметичный люк дождь.

– Это у тебя приёмник хороший.

II

Юру разбудил ритмичный стук, доносившийся откуда-то сверху. Сперва он подумал, что ему кажется.

Биолог подошёл к стеллажу, который стоял как раз у дверного проёма в проходную комнату. Но стук продолжался, и отсюда его действительно слышно было лучше.

– Сколько так уже? – сказал преподаватель куда-то в воздух, хоть и обращался изначально к ученику.

Ответа не последовало. Тогда Юра бросился к тому месту, где засыпал пятиклассник, и принялся будить его, взяв за плечи.

– Петрушка, подъем, – тихо, но тревожно говорил он.

– Да, Юрий Григорьевич?

– Тихо, у нас похоже гости. – Биолог тревожно посмотрел Пете в глаза, страхом заблестевшие в едва уловимом свете. – Будь готов буквально ко всему.

Они вслушались; в люк всё ещё интенсивно и ритмично били. Внезапно удары прекратились, и через пять секунд раздался сильный взрыв. На рефlekсах Юра отскочил вместе со школьником в противоположный угол комнаты, как раз туда, где стояла вытяжка, и благодаря этому они спаслись от небольшого обвала, частично покосившего ещё недавно разделявшую их и Есению Павловну стенку.

Бетон посыпался, обнажая железный каркас и поднимая в воздух облака пыли и побелки, что теперь светились странным белым светом, который сходил из пробитых в потолке дыр. Пятиклассник закашлялся, и биолог сразу же дал ему шарф, чтобы тот не надыхался стертого в порошок древнего цемента.

– Там тётя Сеня! – воскликнул школьник, и хотел было сорваться к ней, но учитель его вовремя остановил.

– Тихо. Подожди, – Юра постарался избавиться от мыслей, возникающих одна за другой по нарастающей, которые даровала протекающая сквозь щели терпения паника. Сейчас он действовал, полностью отдавшись инстинктам самосохранения, ибо ничто другое спасти их не могло: после взрыва что-либо разумное приходило в голову крайне туго, а на логическое мышление требовалось, казалось, сил больше, чем на поднятие упавших сверху железобетонных плит. Только одно стояло целью, подобно естественному инстинкту: спасти жизнь свою, и жизнь мальчика. И ничего больше.

– Юрий Григорьевич, – шепнул Петя и потянул учителя за рукав, как маленький ребенок. – Взгляните! Это свет! Это ведь наши?

– Наши бы не молчали...

Прогремел ещё один взрыв. Он был рядом, настолько близко, что теперь и у Юры, и у Пети звенело в ушах, но раздался он точно не в этом помещении: звуковая изоляция исчезла, а значит, подняли в небо что-то другое. Что-то, что было снаружи.

Только придя в себя, Юра сумел разглядеть непривычный, яркий металлический блеск какого-то прибора. Неопознанный объект, вылетев на свет, биолог принял за небольшой дрон со встроенной камерой. Он бесшумно левитировал в воздухе, направив объектив туда, где ныне почил Есения Павловна.

Теперь раздался треск, и нечто более массивное стремительно спустилось вниз, ловко приземлившись на две железные лапы.

Биолог охарактеризовал данное чудо техники как «роботизированного гуманоида прямоходящего». И стало ему нехорошо как-то, больно смотреть на всё это, жалостно понимать происходящее, ведь чем больше понимаешь – тем отчаяннее себя чувствуешь; и эта отчаянность Юре совсем не понравилась. Он должен был собраться с мыслями и не бояться железного

ящика, потому что всё, что вызывало страх до этого момента – были простые ассоциации. Что делать дальше – учитель не знал, уж очень похоже было на то, что роботы эти носят смерть. И вот он, стоит, закрыв собой пятиклассника; стоит и смотрит на этих двух металлических товарищей, и явно – не последних.

Всё ещё прятался в тени биолог, не понимая, с какой целью прибыли эти товарищи. Интуиция, работающая в паническом состоянии значительно лучше любой холодной логики, подсказала Юре, что их сканируют. Тихо, не шумя, не подавая об этом никаких сигналов.

Вот и познакомились. А где люди?..

Наверное, никогда ему страшно не было так, как сейчас. Это безжалостное существо, безобразное скопление проводов и стали, оно никогда не допустит какого-либо смягчения указаний своего господина. И теперь всё зависело только от того, каким распоряжением было дано железяке изначально.

Всё так же бесшумно вплотную к Юре подлетел, подобно назойливому оводу, алюминиевый дрон. Тихо жужжа, он сделал круг около учителя и ученика и остановился ровно между «прямоходящим» и молодым человеком. Дрон что-то прожужжал, после чего на верхушке железки загорелся синий светодиод.

– Diru ion, – донеслось оттуда.

Юра сразу опознал эсперанто, но блистать эрудицией в лишней раз предпочёл ненужным и задумался. Если эти роботы действительно американские, как в большинстве фильмов, то стоит ли с ними начинать разговор на русском?

– Well, what? – Биолог скорчил непонимающее лицо и постарался намекнуть пятикласснику, чтобы тот продолжал молчать. А потом подумал, насколько ведь это глупо, ориентироваться на фантастику, на выдумку, в условиях настоящей войны, и насколько глубоко ушло кино в повседневность, раз его рефлекс, чувства, ассоциации, все они – идут только от плода чужого воображения.

– Hello, earthlings, – начал говорить дрон. Как ни странно, речь его едва отличалась от обычной, человеческой. Робот что-то говорил, что-то внушал, но педагог не слушал, и не хотел слушать. Он уже вообще что-либо мало хотел. Ему снова стало страшно от одного лишь осознания диалога с неживым существом, которое говорит идентично обычному человеку – даже если бы эта железная коробка издавала лёгкий скрежет, может быть, Юра воспринимал бы это спокойнее. Всю речь покрывала пелена страха и отвращения, и биолог не мог её больше слышать.

– Befit to me, – вырвалось вдруг из монотонного скрежета программы.

– Okay.

Двое людей неуверенно отправились к выходу из подвала, повинувшись указанию машины.

«Это верная смерть, – думал Юра. – Но я не хочу быть верным машине. – Он уже готов был провести неоднократно воспетую в киноискусстве „антитехническую революцию“, но вспомнил, что уже вовсе не бунтовой семиклассник, и что теперь от его действий зависит не одна, а две жизни. А ещё он вспомнил, что не главный герой фильма, которому, согласно трейлеру, предстоит выжить – он самый обычный человек, а вокруг самая обычная война. Безусловно, война. – Посмотрим, что эти консервные банки захотят нам предложить...».

За биологом сразу стал «прямоходящий», и провожал последних среди живых до самой лестницы, которая на удивление осталась целехонькой даже после подрыва.

Здесь, снаружи, прожектора светили всюду: что на землю, что в небо. Правда, Юра этого почти не видел. Словно слепой, бывший учитель смотрел несчастными глазами на погоревший, разрушенный мир, и думал, что сейчас самая ужасная из всех возможных ситуаций, когда ему приходится столько переживать, осознавать и делать выводы. Пожалуй, биолог сам не ожидал, что мог оказаться таким впечатлительным. «Возьми себя в руки, ты не один, у тебя ещё мини-

мум Петя!», – кричала совесть внутри Юры, не давая заснуть раненому всем происходящим разуму.

Когда биолог прозрел, ему вновь захотелось ослепнуть. Больно смотреть на свой родной город омертвлённым, зная, что когда-то он был живым и красивым. Будто вместе с домами ушли в пепел воспоминания, а с тысячами жизней ушла и ещё одна, его. Но на самом деле ведь не ушла, и надо ещё немного пожить.

Была, кажется, ночь. Во всяком случае, тут стояла темень, как ночью. Судя по погасшим фонарям, электростанции не работали, если только не были заняты какими-то более важными делами...

Кругом царил хаос: напрочь разбитые и промозглые копотью потушенных дождей пожаров, чернели и блестели из-за влаги во мраке и в дыму квартиры. Педагог понял, что ему тяжело дышать, а на зубах скрипит песок и пепел. Вероятно, это всё из-за поднявшейся в воздух радиоактивной пыли.

Биолог набрался сил осмотреться. Людей вокруг не оказалось; только роботы, множество алюминиевых коробок и железных скелетов, бродящих или левитирующих между уничтоженных «хрущёвок». Что-то эти неживые твари явно искали. Или кого-то. Стыла кровь в жилах от одной лишь мысли, что там кого-то ищут – и ещё холоднее в душе становилось от того, что самих их с Петькой только что нашли.

Кто-то пнул его в спину. Это был тот самый «прямоходящий». Кивнув, учитель последовал за дроном: он немного отстал, стараясь сориентироваться на местности.

Его руку держал маленький Петя, и Юра случайно, из привычки, посмотрел в лицо мальчику. Глаза у пятиклассника округлились от ужаса, весь он трясся, как осиновый лист. Преподаватель хотел утешить своего ученика, но боялся заговорить по-русски: сила предрассудков на основании просмотренной и прочитанной фантастики оказалась сильнее, чем он мог предположить, поэтому ни на английском, ни на любом другом языке предпочел не говорить.

Внезапно дорогу им перебежало двое человечков в белоснежных комбинезонах. Они так сильно не вязались в общую ситуацию, что Юра решил их даже людьми не считать. Не могут это быть люди, и всё тут.

«Интересно, какую дозу сейчас получаем с Петром, – снова подумал биолог. – Дивно, как мы ещё на ногах держимся. Что-то тут не то...»

Петя дёрнул учителя за рукав и показал куда-то пальцем.

Там, в руинах, освещенные холодным светом, стояли люди, лишённые жилищ и вообще любого материального блага. Кажется, они что-то кричали, и кто-то из них махал руками. Вдруг биолог понял, что будет дальше, и, увидев, что пятиклассник смотрит туда же, закрыл ему уши. Раздался выстрел, потом – ещё один, и слышались эхом мольбы этих погибших людей сквозь черную пылевую завесу. Звучали выстрелы так громко, словно пули летели не в двадцати метрах от них, а тут, прямо у виска...

Сердце у Юры забилося чаще. Куда их ведут? Это не люди, это роботы, их нельзя сравнивать с нацистами Великой Отечественной: они мыслят рационально, каков их может быть мотив помучить человека прежде, чем убить?..

А спросить у машин, что тут произошло, было бы равносильно мгновенной смерти. Лучше идти за ними вот так, молча, пока на тебя устремляются тысячи других тепловизоров военных роботов, и пока ты ещё, слава Богу, можешь выносить этот неощутимый взгляд. Юра не хотел испытывать судьбу: как свою, так и мальчика. Ещё хотелось на земле пожить, какая-то странная надежда сдерживала отчаяние и не пускала делать смертоносные глупости. И хотелось ещё, чтобы у Петьки всё хорошо сложилось. Чтобы эта война ушла, словно страшный сон, и про этот страшный сон Петька, когда уже будет Петром Владимировичем, чтобы вот он сам, и его жена, рассказывали своим внукам про наше время, такое тяжелое, что еще попробуй Расскажи...

Над городом горели звёзды. Только их никто сейчас не видел: пожары, невысказанно большие пожары, что погасли лишь недавно, пока шел дождь, они заставляли извергать клубы дыма из уничтоженных домов даже сейчас.

Группа шла вдоль обвалов и страшных, опустелых каркасов советских построек. Юра, живя в Очакове с младенчества и знавший здесь каждый квадратный метр, сейчас не узнавал ни улиц, ни домов. Да, безусловно, этот город разрушался. Разрушало его время, бросали на попечение природе люди. Человечеству свойственно строить себе антиутопию – для этого ничего не надо делать. Можно повиноваться, или сопротивляться, но и то – только когда скажут. Это *естественно и нормально*. Странно, когда индивид стремится достигнуть чего-то большего, и даже пугающе, когда хочет приставить к работе во благо будущего кого-то ещё. Много проще сидеть в офисной коморке и ждать пенсионного возраста, чего колыхаться? Но биолога это не устраивало. И, не способный что-либо сделать, он лишь с горечью смотрел на родной городишко. На его опустевшие пансионаты, обруженные санатории, поломанные береговые лестницы. Была раньше «Аллея сказок», её соорудили ещё в прошлом веке, и пытались реконструировать. Но в двадцать третьем перестали. Вероятно, от того, что туристы стали чуть наглее, и ежемесячно залатывать оббитый нос у доктора Айболита показалось просто невыгодным. Или кто-то из чиновников купил очередную виллу в Италии за те деньги, которые должны были пойти на перекраску домика трёх поросят...

Юра посмотрел направо: когда-то здесь был парк, а среди этого парка стоял большой, могучий памятник Горичу. «Не могли его снести», – думал биолог, пытаюсь разглядеть среди выжженных деревьев старую чугунную птицу, которая ещё недавно упиралась на вершину правильной пирамиды, сложенной из пушечных снарядов. Возвышалась птица и над коммунистами, и над нацистами, и над националистами, и всегда, ещё с царских времен побеждала их.

Но нигде памятника педагог не увидел.

Вот они прошли автобусную остановку, которая ещё сравнительно хорошо сохранилась, а с другой стороны дороги, где ранее существовал главный рынок города, оказалось немерено мертвецов. «Сколько же они там лежат?», – подумалось Юре, но и этот вопрос он решил оставить на более мирные времена, а сам тем временем постарался, чтобы Петя не видел всего кошмара окружившего их родного мира. Пятиклассник и сам не хотел: качался из стороны в сторону, поникший весь, печальный, опустив нос и пиная носками ботинок попадающие под них камушки.

Хватило ему, значит, того расстрела на Бугской.

Склон пошел вниз, запахло морем – стало быть, спускаются на Детский пляж. Сам Юра никогда не понимал, отчего называли так это место: порт рядом, а битого стекла, ржавой арматуры, которая незаметно торчит из бетона, залежавшегося где-то на дне, тут больше, чем в любом другом месте в Очакове. Кому-кому, а детям тут не стоило бы гулять или плескаться. Когда, конечно, плескаться вообще кому-либо можно было.

Вокруг пустовали маленькие домики. Взрывная волна, видимо, сюда докатилась слабовато, и только у некоторых среди них она поломала заборы и слегка подбила черепицу. Но людей в этих краях явно не было. «Что-то не так. Они не могли погибнуть так быстро, – хмыкнул про себя биолог, а потом подумал: – Могли. Ещё как могли. Мы, может, в том подвале полгода просидели».

Дроиды свернули влево, и среди дыма учитель рассмотрел зеленовато-серый силуэт: памятник Суворову. Великий полководец указывал рукой куда-то в море, а сам так прекрасно улыбался, и глаза у него так сияли, что казалось: вот-вот оторвёт ноги от камня да уйдёт на свою очередную, победоносную битву с турками. Только вот, Юра начал подозревать, что никаких турков Александр Васильевич больше не встретит.

Биолог знал эти края; знал, пожалуй, лучше любых других и без того хорошо известных ему мест в Очакове. Тут, рядом с памятником, возвышался над синими водами Чёрного моря

Свято-Николаевский собор. Старинный, он сумел восстановиться после большевиков и десятков репрессий со сторон разных государств, окруживших храм уже в тридцатых годах двадцать первого века. Юра пока не видел его из-за плотного дыма, но знал, что церковь ещё есть, и что она точно стоит, и выстоит всё, что угодно – даже атомную войну.

Они шли всё дальше, обходя собор с южной стороны, где ветер, навеваемый морем, ослабил тёмно-серую пелену пожарищ слегка больше, чем в других местах. Когда-то тут стояли кипарисы; высокие, почти как тополи в центре города. Они благоухали, развеивая знойную жару, которая приходила летом на очаковские равнины с севера и востока, с сухих степей. Юре вспомнилось, как над этими кипарисами витали в синем небе белые чайки, красиво описывая фигуры высшего пилотажа, которые потом он видел в исполнении Веры на её воздушной практике. Маневры хохотуний, и даже лёгких, изящных ласточек, по сравнению с тем, как летала Вера, казались Юре совершенно неуклюжими. Пожалуй, он никогда не видел, чтобы чайки выполняли мёртвую петлю, а береговушки – бочку Нестерова. Но всё же он наблюдал за их полётами, и было это на закате одного удивительного дня. Очаковец уже не помнил, что именно тогда случилось; зато помнил, что заканчивался день очень красиво, тихо и спокойно, и ничего Юру тогда не тревожило, потому что рядом стояла его Вера. А сзади били куранты.

Биолог в одно мгновение возвратился в реальность. Штормовые тучи мрачно вертелись над компанией, а внизу, где-то за растворившимися в темноте очаковскими склони и погоревшими деревьями, в волнорезы у порта громко билась солёная вода. Юра повернул голову влево, чтобы посмотреть на храм, и тут же опешил.

Половина собора оказалось обрушенной. Холодный ветер зимних штормов вновь пробежался по разбросанным кирпичам, из-за чего Юре послышался печальный свист сквозняка, бродившего подле ликов святых, напоминающий о уже наверняка погибшем церковном хоре. Преподаватель поднял голову. Когда-то там стояла колокольня, а над ней сиял золотой крест. И чем дальше он смотрел туда, тем больше мрачнел и тем сильнее убеждал себя, что храм подорвали. Подложили у фундамента и вокруг колокольни динамита, или ещё какой взрывчатки, подожгли и подняли в воздух, как сто двадцать лет назад. Но кто?

«Роботы, – предположил Юра. – Снова, гады, искали кого-то».

Почти все проходы в храм оказались заваленными, потому что дроиды провели своих пленных внутрь через одну из щелей, образовавшихся вследствие взрыва. У импровизированного порога биолог снова остановился и, убедившись, что на него не обратят внимание, перекрестился.

Их с Петей подвели к иконостасу. Тут пахло ладаном, как в те мирные времена, когда ещё можно было ходить в церковь. И ничем больше. Ни морской ветер, ни гарь не забредает сюда, за стены Свято-Николаевского собора.

Прямоходящий андроид появился за спинами двух маленьких людей, прежде совершенно нелепо бродивший около престола. Юра посмотрел туда, и изумился, что апсид над алтарём всё ещё стоял: из него выпало всего пару кирпичей. Вероятно, от того, что во время взрыва эта часть храма приняла на себя главный удар утратившей опору колокольни.

– What are we waiting? – спросил у робота педагог.

– The Order.

– What kind of order?

– One. Or Zero.

– And what does it mean? – Юра вернулся в роль. – Nobody didn't prevent me.

– Humans don't know about Lord.

– Can you explain it?

– No.

Что же, дроид – есть дроид. Но теперь биолог был почти полностью уверен: правит этими железными банками отнюдь не человек, а тот, кто дает обычное указание – бинарное, простое, и смертельное: «Да» или «Нет».

Он ощутил, что пора бы бежать. Бежать и думать, пускать свой мозг в работу сильнее, чем обычно: не в два, не в три, а в сотни порядков. Преподаватель ещё не до конца знал, куда, и туманным оставалось то, от кого – но человеческая сущность, вся, что была в Юре, не говорила, она кричала: «Уходи прочь, или лишишься свободы!»

Биолог осмотрелся, ещё раз на всякий случай проверив, не пришел ли никто на подмогу к сопровождающим железякам. Вероятно, нет – чего стоит убить двух безоружных людей, растерянных и ослабленных, совершенно беспомощных? Но ещё исполненных надежды и веры в *своё* будущее. Машине неизвестно, что такое вера; неизвестно, что такое свобода. Ей не понять, что правит чувством человека, и какую силу имеет надежда. Но Человек ещё не знал, что, предавшись развлечению, страсти, богатству, лени, он уже утратил всё своё естество. Поэтому Машина может победить.

«Идти к морю нет смысла, тем более, зимой, – между тем размышлял Юра. – Береговая линия, перекрытая военной базой, должна хорошо обороняться, особенно сейчас. Значит, придётся идти в степь. А там...»

О том, что будет дальше, преподаватель решил пока не думать. Главное – спасти себя и мальчика, которые, возможно оказались последними людьми на этой утраченной планете.

Он поднял глаза вверх. Там, где раньше красовалась настенная иконопись, сейчас среди тёмных туч время от времени мерцали яркие звёзды южного украинского неба.

Из мыслей биолога вывел неприятный, душераздирающий треск. Он обернулся. Оказалось, дрон разбил одну из икон, лик которой сейчас был обращён к полу. Потом ещё одну, и ещё, и бил их до тех пор, пока Юру не начало трясти. От чего-чего, а от гнева его до сих пор никогда не трясло. Кулаки у педагога сжались, он вот-вот смял бы дрона, словно алюминиевую банку, если бы с ним рядом не оказался Петя.

«Ну давай, подразни меня ещё, муха ты металлическая», – мысленно грозился роботу озлобленный биолог. Безусловно, уже оба дроида обратили внимание на изменение его настроения: начиная от внешней мимики, заканчивая температурой – теперь всё выдавало в учителе гнев.

Словно услышав саркастическую просьбу, летающий робот сбросил со стены в алтаре ещё одну, последнюю икону.

– Господи, благослови. – Юра перекрестился, схватил Петю за руку и помчался к чёрному ходу, который вёл из алтаря в один из множества окружающих собор домиков.

Конечно, дроиды о нём не знали. О нём могли узнать только те, кто хоть раз заходил в алтарь по благословию: настоятель лично показывал биологу этот маленький, незаметный люк, скрывшийся за листьями дешевого линолеума.

Когда пятиклассник запрыгнул в подвал, а роботы уже сообразили, что к чему, биолог со всей силы кинул в каждую машину по кирпичу из некогда обвалившейся стены. Как бы ему ни хотелось крикнуть напоследок что–нибудь пафосное, на манер «Мы русские, с нами Бог!», учитель поступил немного благоразумнее: поднял только что упавшую икону, и, взяв её с собой, помчался подземными ходами прочь, держа в одной руке лик, а во второй – уставшую ладонь своего последнего ученика.

Спустя несколько минут биолог без труда открыл крышку люка в одной из хат и, выбравшись, помог подняться на поверхность закашлявшемуся от пыли Пете. Они тихо прошлись в тених двора и побежали узкими очаковскими улочками на вершину берегового склона в центр городка. Пару раз прятались от проезжающих мимо дроидов, а передохнуть решили в одном из старых заброшенных универмагов, где почти не оказалось трупов – только охранник

помещения лежал, опершись на стеклянную витрину, когда-то выполнявший свой последний в жизни долг.

Мародёрство Юра не уважал, даже ненавидел, но сейчас он понимал, что это единственный способ как-то выжить, потому, почти не стесняясь, набрал один найденный тут же рюкзак доверху местными товарами, которые, очевидно, никаким спросом уже пользоваться не будут. Оружия, само собой, тут никто не продавал – да и непонятно было, насколько оно могло оказаться продуктивнее сапёрной лопаты, одну из которых в сельскохозяйственном отделе нашёл Петя. Они собрали какую-никакую аптечку, взяли несколько консервов и самой разнообразной долгохранящейся крупы. Петра учитель нагрузил только водой, но её взяли побольше: непонятно, что там в мире сейчас с ней, а дозиметры в Очакове нигде не продавали. Хотя сам биолог уже стал сомневаться в верности первобытного мнения, которого придерживался всё время до выхода из погреба: ядерной бомбардировки не было.

В окна начали пробиваться первые лучи восходящего солнца. Лёгкий туман, мешаясь с запахом гари, стал налипать на окна универмага, расползаясь по полкам, кассам и трубам.

Юра не стал мешкать – сейчас это было опаснее всего. Даже не смотря на усталость, нужно идти. Потому, как только надели сумки на плечи, учитель и ученик двинулись вперёд. На север.

III

Но сейчас стояла зима. В это время года Дико-поле становилось менее приветливым, если не сказать, что вовсе печальным и забытым. Изредка попадались небольшие копна отслужившей своё овсяницы, а где-то торчали из чёрной земли серенькие веточки высохшей и замерзшей полыни. Юре так захотелось вдохнуть её терпкого запаха, такого приятного по сравнению с единственным, что он ещё мог отличить от остального воздуха – гарью. Но полынь не пахла. Трава завяла, иссохла, да только качалась себе колючими стебельками и насвистывала печальную мелодию степных ветров.

Пока брели вглубь полей, с Петей разговаривали мало, хотя учитель понимал, что пятикласснику так нельзя. Боялся он за него. Целый день прошёл, а мальчик сказал всего пару слов – неправильно так, непринято в их время. Юра, будучи в Киеве, не раз видел тамошних Петькиных ровесников. В основном это несуразно высокие или полноватые хулиганы, ничего кроме купленной им богатенькими родителями техники и родной квартиры в жизни не видавшие. Отвращало такое явление учителя, не любил он роскошь, будь то гигантская вилла на берегу моря или новейший телефон. Сам, живя на пороге пятидесятых двадцать первого века, ещё недавно выкупал за копейки у любителей антиквариата «кирпичи» – осталось в очаковце что-то консервативное и древнее, не позволяющее влиться в современное, совсем отличное от него общество. Не разделял Юра взглядов ни одноклассников, ни однокурсников, ни коллег, на очень многие вещи – начиная мировоззрением и заканчивая формой ведения дискуссий.

По прямой идти в любом случае не получалось. Но успокаивало, что сильно на запад отклониться не удастся, потому как (во всяком случае, биологу так казалось), местность ближе к западу станет непреодолимо выше, а уж подножье Карпат они заметят наверняка. С востока прижимали Южный Буг и Днепр – значит, рано или поздно им удастся увидеть на северном горизонте чернеющие верхушки многолетних сосен, акаций и клёнов, срастающихся у речных долин.

Сперва шли на северо-восток, обходя сёла, водоёмы, и стараясь минимально выбираться на опустевшие дороги и жалкие, побитые временем трассы. Позади оставались Черноморка, Куцуруб, Очаков, и целое Черное море. Только стоило показаться какому селу на горизонте – Юра сразу начинал записывать у себя в памяти, сколько и в каком направлении они отошли в сторону, от основного курса, препятствием которому становилась предположительно не обитаемая зона. Правда, уже на пятый раз такой «корректировки» он сбился, и пришлось, как и прежде, ориентироваться только по слабо бьющему в спину солнцу. Иногда случалось, что проходили мимо до дыр проржавелых бело-чёрных таблиц, с надписями вроде «Нового» или «Зеленого», и только потом уже высматривали заброшенные ракушняковые домики, спрятанные за густыми абрикосовыми ветвями. «Природа дело своё знает, – время от времени думал Юра, глядя на обросшие плющом не такие уж и старые базы отдыха. – А человек, знает ли?»

На пути встретили широкую трассу, осторожно посмотрели влево-вправо, чтобы на фонарных столбах не оказалось камер – и сразу помчались через неё, от греха подальше. Мало ли...

Солнце стремительно клонилось к горизонту – через несколько часов здесь потемнеет окончательно. Благо, дождь не собирался: тучи убежали на юг, но за день земля всё таки не успела прогреться. Как ни крути, а на дворе – январь-февраль...

Юра снова задумался. Если и были многочисленные ядерные бомбардировки, если мир обрекли на жизнь в пепле, то почему не наступила ядерная зима? Он где-то слышал, что эта версия постапокалиптического мира является недостоверной. Но если нет? Иначе почему бы

не упасть в вечный сон, прямо сейчас, среди поля, от одной лишь дозы радионуклидов в организме, накопившихся за это, вероятно, длительное время?

Обычная бомбардировка не имела бы такие масштабы. Но Юра вспомнил уроки истории и чёрно-белую плёнку разрушенных нацистами городов. Когда от построек оставались только скелеты, а от людей – одни горстки пепла...

«Иррационально для машины, если только... Она не хотела уничтожить боезапасы всего человечества. – Педагога словно осенило. – Машина не хочет, чтобы человечество воевало!»

«Нет, Машина хочет, чтобы человечество не защищалось», – ответил ему рационализм.

Когда небо стало тёмно-лиловым, биолог осознал, что идти дальше не в состоянии. Ни разу они не остановились, ни разу ничего не поели и не выпили – только шли и шли, чтобы не замерзнуть. Подминали ногами то сухую рожь, то подсолнухи, а как-то раз наткнулись на арбуз – только вот, весь уже никакой, чёрный. Над ними первое время взмывали и кричали чайки: витали, а потом возвращались обратно на юг. Теперь стало настолько тепло зимой, что они не покидали южные области – и заметил биолог это только сейчас.

– Юрий Григорьевич, я больше не могу, – тихо произнёс Петя, и педагог сразу же остановился.

– Вот ты, Петрушка! – Он показал рукой в сторону отошедшего за горизонт моря. – Смотри, сколько прошёл! Я бы так не смог, – дополнил биолог. – В твоём возрасте, конечно.

Он почувствовал, как больно от улыбки потрескались губы.

Пятиклассник не ответил. При первой же возможности школьник присел на колени, а потом, повинаясь силе притяжения, перевернулся на спину. Сырая земля уже не казалась такой холодной, а бугорки, с небрежно осыпавшимся зверобоем, стали мягче любого пухового одеяла.

– Как хорошо, Юрий Григорьевич, – тихо сказал мальчик, не двигаясь, но теперь счастливо улыбаясь. – Так бы и не вставал уже никуда, Вы просто не представляете, как же хорошо!

Лицо у преподавателя стало печальным. Глаза у мужчины повлажнели, и смотреть на ученика он больше не мог. Лишь спустя несколько минут, которые просто стоял, повернув голову к закату, наконец ответил:

– Да, действительно хорошо, Петя. – Он вздохнул в ладони и стал их растирать. – Но ночью будет очень холодно, так что сейчас замотаешься в плед, а когда совсем замёрзнешь – буди, я свой отдам.

– Так мы тут ночевать останемся? – Школьник был не в силах подняться, но вести разговор не отказался.

– Да. Я тебе завтра объясню, почему. – Учитель снял тяжелый рюкзак на землю. – Давай быстро съедим чего, и сразу спать.

– А костёр?

– Без костров. Не хочу, чтобы нас заметили.

Пятиклассник снова помрачнел и поднял глаза к небу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.